

III

Февраль и мартъ 1915 г.

Галичина.

Покоренный городъ

Получивъ изъ канцеляріи генераль-губернатора Галиціи телеграфное разрѣшеніе, 26 января я выѣхалъ въ Львовъ. Вагонъ нашъ безпересадочный, Петроградъ—Броды, очень изящень, чистъ и удобень, по образцу вагоновъ международнаго общества, а билеты—прямое сообщеніе до Львова. На Львовъ ѣдутъ офицеры и врачи, жены чиновниковъ и военныхъ, сестры милосердія, купцы. Представлялся Львовъ гдѣ-то далеко, «за границей», и съ трудомъ соглашаешься съ картой, что отъ столицы этотъ городъ не дальше Кіева, и не вѣрится, что будемъ тамъ на другія сутки въ полдень.

Ѣхать удобно, только курять очень. На правила и надписи въ корридорахъ не обращаютъ вниманія. Врачъ, въ эполетахъ статскаго совѣтника, попалъ въ отдѣленіе для некурящихъ. Волновался, ходилъ куда-то по начальству, бранился:

— Хамье! Ну ужъ это дудки! Я буду курить...

И одна дама сердилась, долго не могла успокоиться. Была она недовольна, кажется, верхнимъ мѣстомъ, ходила по корридору и говорила о томъ, что ѣдетъ проливать кровь, а не на прогулку, какъ нѣкоторые,

потому имѣть право рассчитывать на вниманіе и удобства.

Поинтересовались нѣкоторые изъ насъ потомъ, въ какомъ именно смыслѣ она ѣдетъ проливать въ Галичинѣ кровь? Оказалось,—у ней тамъ мужъ въ штабѣ корпуса, и она ѣдетъ его повидать. А въ общемъ дама милая, обходительная, только вотъ съ первыхъ словъ она не могла найти въ вагонѣ подходящаго тона.

Проѣзжая по Россіи, нетрудно замѣтить, что теперь люди внимательны къ словамъ другихъ. А въ началѣ войны говорили неудержимо и страстно. И не новое, а то, что прочитали въ газетахъ, то, что и въ газетахъ-то было повторено десятки разъ,—повторяли. Такъ бываетъ съ пьянымъ: говорить, повторяетъ то, что слушающему извѣстно, и сознаетъ, что говорить не новость, а все-таки говорить. Ну вотъ, что Германія ошиблась въ Бельгій, не ожидала выступления Англии, ошиблась въ Итали, что въ Россіи всѣ единодушны и англичане—настойчивая нація,—объ этомъ почти каждый собесѣдникъ вамъ рассказывалъ, почти каждый писатель писалъ до самыхъ послѣднихъ дней. Знали, что объ этомъ высказаны уже всѣ слова въ первые же дни по объявленіи войны, а писали и говорили и полагали, что говорятъ новое... Величина событий не сразу вмѣщалась въ сознаниі. И только теперь немного если не поняли, такъ привыкли къ тому, что происходитъ на земномъ шарѣ. А привыкнувъ, стали способны слушать и разсуждать.

Въ Бродахъ были утромъ. Тамъ стоялъ поѣздъ узкихъ австрійскихъ дорогъ и вагоны австрійскіе. Насъ пересадили по номерамъ нашихъ плацкартъ, вагоны заперли, и жандармскій ротмистръ пошелъ провѣрять

документы. Въ Галичину пропускались только тѣ, у кого было разрѣшеніе на проѣздъ. Высадили жену врача и еще какихъ-то двухъ женщинъ, двухъ юношей. Они ходили по платформѣ и съ завистливой тревогой смотрѣли къ намъ въ окна.

На первый взглядъ Галичина—та же южная Россія. Тѣ же лица мужиковъ, тѣ же хаты и та же степная, слегка взволнованная равнина съ перелѣсками. Ледяной насть сверкаетъ на солнцѣ синей полосой. Больно смотрѣть на далекіе отроги Карпатскихъ горъ. На станціяхъ русскіе солдаты и жандармы, новыя русскія надписи, только вокзальныя постройки выглядятъ чуждо. Чужіе паровозы и безконечныя цѣпи вагоновъ на запасныхъ путяхъ.

Къ Львову подъѣзжали съ легкимъ волненіемъ—у каждого свое. А меня волновало и интересовало увидѣть покоренный городъ—какой онъ? Величественный желѣзно-стеклянный сводъ львовскаго вокзала, кажется, второго по величинѣ во всѣмъ мірѣ, десятокъ извозчиковъ на площади, и ужъ всѣ заняты.

Нужно было полчаса ждать, пока пріѣхалъ изъ города на широкихъ крестьянскихъ саняхъ медлительный галиційскій мужикъ и потащилъ въ синихъ сумеркахъ по улицамъ. Вокругъ домовъ и храмовъ крутились вихри морозной мятели. Зажигались рѣдкіе фонари, и зябкая польская толпа, танцуя на обледѣнѣвшихъ тротуарахъ, разбѣгались по домамъ и ресторанамъ. Увѣренно и тепло, въ полущубкахъ, руки въ карманы, ходили съ обвѣтренными лицами офицеры. Останавливались на углахъ, не зная въ чужомъ городѣ путей, одиночные солдаты. Гулъ автомобилей, гро-

хоть повозокъ, отряды войскъ и толпы плѣнныхъ австрийцевъ, высокихъ и сищихъ, какъ журавли.

Весь слѣдующій день я намѣренно никого не искалъ увидѣть, а, встрѣтивъ въ гостиницѣ знакомаго, старался, что бы онъ меня не замѣтилъ. Я одиноко ходилъ, смотрѣлъ и слушалъ.

Если бы можно было найти такого человѣка, который ничего не знаетъ о европейской войнѣ, не понимаетъ ни одного изъ здѣшнихъ языковъ, а имѣетъ только способность видѣть и наблюдать, и поставить его на улицахъ Львова,—онъ сразу сказалъ бы, что это—странный городъ. И, можетъ быть, черезъ часъ онъ въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ узналъ бы страшную правду великихъ событий.

Утромъ въ гостиницѣ я сходилъ по лѣстницѣ, устланной краснымъ сукномъ. Нѣсколько разъ въ стѣнныхъ зеркалахъ я видѣлъ свою фигуру и слегка пугался встрѣчъ съ этимъ каждодневнымъ своимъ знакомымъ: я боялся, что онъ помѣшаетъ уединенію моихъ первыхъ впечатлѣній... Весело разсыпался по лѣстницѣ горохъ звонковъ домашняго телефона. Бѣгала прислуга, и портье внизу почтительно снялъ австрійское кепи. Качнулась безшумно стеклянная дверь, вошелъ съ улицы полицейскій, русскій Иванъ изъ Рязани. Былъ онъ чуть-чуть смущенъ, хотѣлъ снять картузь и не снялъ. Портье съ легкимъ испугомъ шагнулъ къ нему навстрѣчу.

— Пожалуйста, тутъ надо... тово...

— Это на улицѣ?..—догадался портье.—Такъ такъ, пане, тотчасъ уберемъ... Немножко потаяло.

— Пожалуйста!—приложилъ полицейскій къ козырьку руку и вышелъ на цыпочкахъ.

Я никогда не слышалъ отъ полицейскаго такого смущеннаго тона въ разговорѣ съ швейцаромъ. Такъ, конфузясь, говорятъ русскіе мужики съ незнакомой барыней. И швейцаръ испугался, точно ожидалъ чего-то важнаго, а оказалось—очистить тротуаръ.

Въ столовой почти пусто, только за однимъ столикомъ сидѣли два господина, говорили, мѣшая русскую и польскую рѣчь. Ходила розовая, съ кукольнымъ лицомъ, дѣвушка, да высокій, худой, встрепанный хозяинъ-полякъ курилъ толстую папиросу.

— Прошу, пане, какъ теперь блины?—спрашиваетъ онъ гостей.

— А блины очень просто: масленица, вотъ и блины!—объясняетъ гость.

— А долго ли ѣдятъ?

— Если кто хочетъ—хоть круглый годъ, отчего же!

— Ну, та я не вѣмъ! Чтобы не было смѣшно! Я объявлю—у меня блины, а ихъ ужъ не ѣдятъ. Чтобы не было смѣшно...

Подсѣлъ ко мнѣ какой то старикъ и шопотомъ пояснилъ, что хозяинъ столовой — докторъ правъ, помѣщикъ; его жена—музыкальная дама, теперь подаетъ гостямъ кушанье, а дѣвушка—учительница. Ничего не подѣлаешь, война!

Я хожу по улицамъ. Надписи на польскомъ языкѣ, тисненныя на мраморѣ и гранитѣ, выпуклыя—желтымъ стекломъ и фарфоромъ, надписи золотомъ, серебромъ и бронзой. Среди этихъ прочныхъ, несмываемыхъ дождемъ, — русская вывѣска торопливая, на полотнѣ, на доскѣ.

Зашелъ въ тихій переулокъ. Чистые, плотной стѣнной другъ къ другу пристроенные дома, двери молча-

ливы, окна безлюдны. И мнѣ почему-то кажется, что за стѣнами совсѣмъ нѣтъ людей. Облупилась на гладкой стѣнѣ штукатурка, загнулся пруть желѣзной рѣшетки. Тотъ, кто строилъ и убиралъ эти дома, навѣрное, не допустилъ бы такого беспорядка, если онъ дома, здоровъ и нетревоженъ.

Подъ обрывками бумажныхъ рекламъ я вижу остатки громаднаго объявленія на русскомъ и польскомъ языкѣ, 23-го августа. „Приказъ № 2. Никто не имѣетъ права брать въ магазинахъ, складахъ, у частныхъ лицъ города Львова имущество, вещей, лошадей, скотъ или что-либо иначе, какъ за деньги. Предметы, подлежащія реквизиціи, указаны мною и будутъ распределяемы реквизиціонной комиссіей подъ предѣтельствомъ офицера, засѣдающаго въ городской думѣ. Львовъ, 23 августа—4 сентября 1914 года, военный губернаторъ полковникъ Шереметьевъ“. Это было на второй день послѣ занятія Львова русскими войсками. Всѣ тогда волновались, покоряющіе и покоренные. Даже число новаго стиля обозначено невѣрно въ этой суматохѣ. Объявленіе напечатано вершковыми буквами, чтобы люди, ошалѣвшіе отъ жуткой тревоги, не пробѣжали мимо, замѣтили, прочитали и успокоились.

Изъ разныхъ мѣстъ города доносятся многоголосые гулы солдатскихъ пѣсенъ. Дорогу мнѣ перегородила длинная, сѣрая колонна войскъ. Идутъ въ ногу, пошевеливая острой щетиной штыковъ. Колонна слишкомъ длинная, чтобы пѣть одну пѣсню. Впрочемъ, это и не пѣсни, а тысячеголосый музыкальный гулъ. Только у крайняго солдата и то больше по движенію губъ широко открытаго, кричащаго рта я могу разобрать:

«Пакида-аимъ край родной,
«Мы идемъ всѣ смѣло въ бой...»

Удаляется это мѣсто колонны, уносить съ собой и пѣсню и, какъ шумъ новой музыкальной волны, слышится:

«Ани ѣ-эдутъ мар-пиру-ують,
«Промежъ собой говорить...»

Изъ-за угла, вперерѣзъ этой колоннѣ, идетъ новая и, какъ свой особый запахъ, несетъ новую музыку многоголосой стихии.

Въ бывшемъ намѣстничествѣ Галичины помѣщается теперь генераль-губернаторство. Четырехэтажная постройка, архитектура безъ украшеній, но пріятной простоты, только въ срединѣ слегка выдались колонны. На верху золотыми буквами написано: С. К. Namiestnictwo. У подъѣздовъ часовые, полицейскіе. Прибывали на автомобиляхъ, извозчикахъ, шли озабоченные, торопливые люди... Мнѣ ничего тамъ не нужно, сегодня не нужно. Но я зашелъ изъ любопытства.

На мраморной лѣстницѣ мнѣ любезно поклонился встрѣчный старый полякъ. Въ пріемной толпились просители: дамы, военные, униатскіе и православные священники, купцы, актеры, учителя, поляки, русскіе, евреи. Всѣ напряжены, потны, взволнованы. Всѣмъ надо спѣшно удостовѣреніе, разрѣшеніе, пропускъ. Здѣсь узкая дверь, гдѣ власть при помощи бумаги совершаетъ отборъ общенія между Россіей и Галичиной. Вышелъ съ пачкой бумагъ молодой, подобранный офицеръ и съ юношеской строгостью въ лицѣ оглядѣлъ просителей. Вскочили, окружили его. Отчетливыми жестами онъ молча раздавалъ бумаги, называя фамиліи.

■ Когда пошелъ, ожидающіе облѣпили его плотной кучей, какъ пчелы матку.

Удаляясь отъ середины города, я незамѣтно поднялся къ Высокому Замку, кургану Люблинской Уніи. Обходя по кругу, съ этой высоты можно видѣть весь Львовъ.

Теперь все засыпано глубокимъ снѣгомъ. Только вокругъ кургана и по площади Высокаго Замка расчищены дорожки; можно обойти кругомъ и спиральной тропой взобраться на вершину кургана, гдѣ воткнуть шесть.

Въ тонъ городу гудѣли на вѣтру голыя вѣтви березъ. Изрѣдка въ этотъ гулъ новымъ звукомъ вплетался шепелявый звонъ церковныхъ колоколовъ. Гдѣ-то раздавались ружейные выстрѣлы. Въ неровной котловинѣ вокругъ Высокаго Замка запалъ Львовъ. Четкая лѣпка улицъ, громады отдѣльныхъ зданій, точно вылиты изъ бронзы храмы, костелы. А дальше за городомъ темными полосами протянулись по снѣжнымъ, полямъ желѣзныя и поссированныя дороги.

Я одиноко ходилъ въ бѣлыхъ снѣжныхъ траншеяхъ, не особенно наблюдая направленіе дорожекъ. Низко двигались холодныя облака; кругомъ пестрое поле, изрытые войнами и укрѣпленіями холмы, мутныя дали; внизу гудитъ озябшій, потревоженный городъ. Въ душу пахнуло чувство историческаго неюта челоуѣческой жизни: были здѣсь русскіе, татары, поляки, нѣмцы, снова русскіе... Теперь мы завоеватели, остальные народы чувствуютъ себя неувѣренно и покорно.

Мнѣ хотѣлось въ эти минуты быть ласковымъ съ покоренными, чтобы они не подумали, что я возгор-

дился. Нѣтъ, даже въ завоеваніи я ощущаю общечеловѣческой неуютъ на земномъ шарѣ, потому я великодушень. Но здѣсь нѣтъ людей, чтобы я могъ оказать имъ ласку. Да я же и заплутался! Шелъ къ кургану, сдѣлалъ кругъ и очутился снова около примѣтной скамьи.

Вотъ хорошо, навстрѣчу идутъ господинъ съ дамой, поляки. Какъ только могъ ласково, я спросилъ, — гдѣ дорога? Полякъ не понялъ, или не разслышалъ, торопливо выдвинулъ къ моему лицу красное ухо съ толстой, багровой мочкой.

— Какъ, пане?

— Дорога куда? На курганъ дорога?!

Господинъ съ дамой всполошились, начали показывать.

— Просто! Потомъ вправо.

У дамы крикливый голосъ; въ малокровномъ разрѣзѣ губъ неприятно блестѣла золотая плomba, и вообще они оба суетливы. Я поспѣшно отошелъ и сталъ взбираться на курганъ.

Онъ очень высокъ, бока выложены камнемъ, средина засыпана землей. На верхушкѣ лазили солдаты, глядѣли вдаль, уносясь мыслью на родину.

— Высоко залѣзъ, а Тульской губерніи не видно, — сказалъ одинъ, усмѣхаясь и подтолкнулъ товарища локтемъ.

Принимая меня за поляка, онъ другимъ голосомъ спросилъ:

— А что, панъ, къ чему эта гора насыпана?

Говорю — не знаю.

— Ахъ, вы русскій? — говоритъ онъ, и голосъ его сталъ обычный, тотъ, какимъ онъ говорилъ съ товарищемъ. — Видать ужъ, ему надо было, — такую гору насыпалъ!.. Сколько трудовъ положено!

Они спускались и я слышалъ ихъ задумчивый разговоръ:

— Хорошій городъ. Дома богатѣющіе! Гоже-ба удержать... Только, говорятъ, земли здѣсь мало, ужъ вся запахана, здѣшнему народу не хватаетъ.

При спускѣ на снѣжной тропѣ я встрѣчаюсь съ офицеромъ. Тропа, правда, не широка, но, отвернувъ плечо, легко можно разминуться. А офицеръ всталъ совсѣмъ на сторону, даже полы шинели рукой прижалъ, даетъ дорогу. Я благодаренъ ему, но внутренно радостно смѣюсь надъ собой и надъ нимъ: вѣроятно, онъ счелъ меня львовскимъ жителемъ и тоже хочетъ быть „великодушнымъ завоевателемъ“.

Вечеромъ я сидѣлъ въ гостиной извѣстнаго въ Львовѣ общественнаго дѣятеля. Было еще двое гостей. Разговоръ вокругъ событий войны. Въ срединѣ разговора хозяинъ восклицаетъ:

— Вотъ живешь изо дня въ день, и будто ничего, по-прежнему. А, вѣдь, что происходитъ, Боже мой! Когда глаза закроешь, умъ мутится. Кажется, откроешь глаза, и не узнать человѣческаго міра.

Онъ, дѣйствительно, закрылъ лицо ладонями, потомъ открывається и обводитъ насъ разбѣгающимся взглядомъ. Въ рамѣ сѣдѣющей бороды лицо его стало пунцовымъ, а глаза затуманились. Можетъ быть, онъ не узнаетъ насъ?

— Кто могъ думать еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, что, вмѣсто австрійскаго намѣстника Бобржинскаго, здѣсь будетъ русскій Бобринскій, а вмѣсто австрійскихъ — русскіе полки!

Но чувствуя, что слова и въ малой долѣ не выражаютъ тайны новыхъ ощущеній, онъ приглашаетъ гостей пить чай.